

УДК 165.5

DOI: 10.37482/2687-1505-V195

ДИМИТРОВА Светлана Васильевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий (из них три коллективные)*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4962-0692>

КЯРОВА Мадина Алиевна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой истории, философии и права Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В.М. Кокова (Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик). Автор 20 научных публикаций***

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1984-4273>

КАЛЬДИНОВА Галина Павловна, кандидат социологических наук, заведующая отделом социологических исследований Института комплексных исследований аридных территорий (Республика Калмыкия, г. Элиста), доцент кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова (Республика Калмыкия, г. Элиста). Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. двух коллективных монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7070-1396>

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Проблема определения границ и степени влияния на человека результатов научного знания обретает еще большую актуальность на современном этапе развития науки. Особенностью развития гуманитарного знания является его амбивалентность, проявляющаяся в том, что поиск и совершенствование путей достижения гуманистических идеалов могут стать основанием для формирования ресурсов, позволяющих продуцировать-конструировать определенный тип личности. Значимым является анализ ситуаций, при которых научно обоснованное стремление к гуманитарным идеалам – сохранению и улучшению качества жизни человека – приводит тому, что даже жизнь и смерть индивида могут стать результатом соглашения ученых, политиков. Цель работы – обосновать необходимость определения границ при достижении гуманитарных идеалов. Методом исследования послужил анализ философских учений, позволяющих экспли-

*Адрес: 400050, г. Волгоград, ул. Ткачева, д. 16А; e-mail: dimitrova@volsu.ru

**Адрес: 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11; e-mail: gala758@yandex.ru

***Адрес: 360003, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, просп. Ленина, д. 1в; e-mail: mad-kyarova@yandex.ru

Для цитирования: Димитрова С.В., Кальдинова Г.П., Кярова М.А. Гуманитарное знание в современном мире // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 123–133. DOI: 10.37482/2687-1505-V195

цировать новые подходы к определению путей обретения смысла. В условиях плюрального, разновекторного, рискогенного развития мира традиционные черты гуманитарных наук – стремление к пониманию, поиск смысла, контекстуальность – претерпевают существенные изменения. Беспрецедентная фрагментация сегодняшнего мира, «эпизодичность жизни» индивидов актуализируют поиск ресурсов для достижения понимания в условиях отсутствия целостности. Показана особая значимость усилий человека в поиске возможности пребывания в таких режимах сознания, как: «участное мышление» (М.М. Бахтин); «мыследействие» (М.К. Мамардашвили); «сознание, не основанное на познавательных значениях» (Иоанн Павел II). Обосновывается, что онтологической и гносеологической ценностью обладает идея установления смысла в результате усилий, упорства индивида. Поиск и установление смысла – это свершенное событие (Ж. Делез), в котором проявляется уникальность личностного бытия.

Ключевые слова: идеалы научности, целостность, «власть-знание», биополитика, «режимы сознания», смысл, поступок, событие.

Размышления о специфике гуманитарного знания всегда были значимыми для философии. Актуальность задачи определения роли и статуса гуманитарных наук в настоящее время обусловлена тем, что в современном мире ценностные основания гуманитарного знания оказывают непосредственное влияние на развитие науки в целом.

Особенность ситуации заключается в том, что усиление процессов гуманитаризации знания является следствием успешного развития естественных наук. Все более значимыми становятся подходы к исследованию природы и человека, использующие ценности не только как цели, но и как основания для формирования новых научных парадигм (биоэтика, экология).

Поиск истины в гуманитарном знании проявляется в стремлении обрести понимание, связанное с определением человеком своей роли, предназначения, места в данной картине мира, системе ценностей, социальных проектах. Тем самым истина в гуманитарном знании – это указание на подлинные формы бытийствования человека, основание процессов самопознания личности.

Зарождение и формирование классического идеала научности основывалось, с одной стороны, на признании существования объективных закономерностей мира и возможности их отражения в сознании субъекта. С другой стороны, утверждалось наличие независимого

от мира сознания. Стремление к достижению объективной истины и рассмотрение последней как цели научного познания становится основанием классической научной рациональности. Следовательно, знания о человеке, стремящиеся не к объяснению, а к пониманию, не могут быть научными.

Между тем переход к неклассической рациональности связан с признанием активной позиции субъекта. Поскольку предметом познания становится та часть действительности, которую способен воспринять субъект, то при описании законов мира необходимо учитывать «положение наблюдателя», «контекстуальность», способы выражения и систематизации знаний.

Тем самым особенности неклассической рациональности связаны с изменением роли субъекта познания, который не элиминируется, а оказывает влияние на содержание знания. Сложность, полисистемность и разнонаправленность развития мира приводят к пониманию, что представления о законах реальности во многом зависят от контекста исследования, от дискурса, в котором пребывает научное сообщество. Возникновение постнеклассической рациональности вводит в содержание познания аксиологический аспект, поскольку утверждается, что на результаты познания оказывают влияние ценностные установки субъекта.

Признание отсутствия фундаментальных оснований в научном знании актуализирует

проблемы достижения понимания, а не только объяснения.

Однако необходимо осознавать, что последовательное стремление к гуманистическим идеалам, основанное на абсолютизации роли научного знания, может выступить условием для формирования ресурса, позволяющего не только эффективно управлять людьми и «форматировать» сознание человека, но даже продуцировать, конструировать заданный тип индивида. К наиболее негативным формам новых типов отчуждения относится биовласть, которая, следуя гуманным целям (сохранение, продление, новое качество жизни человека), превращает понятия жизни и смерти в политические понятия.

Таким образом, амбивалентная природа гуманитарного знания актуализирует необходимость рассмотрения критериев успешности в развитии гуманитарных наук. Цель настоящего исследования – обосновать важность определения границ при достижении гуманитарных идеалов.

Стремление гуманитарного знания к пониманию маркировало его особенность и вместе с тем обеспечивало научность. В. Дильтей, разделивший все знание на два класса – «науки о природе» и «науки о духе», – стремился к целостному восприятию человека. Его позиция заключалась в том, что гуманитарные науки не только отличаются предметом, но и требуют специфических методов исследования. Интерпретация и контекстуальность как методы гуманитарных наук позволяют прийти к пониманию и постичь жизненную целостность. Задача понимания в науках о духе нацелена на возвращение к внутренним истокам от внешних проявлений и, наоборот, «сопряженность внешних единичных событий с чем-то внутренним» [1, с. 298].

Выявление специфических отличий понимания и объяснения позволило показать особенности знаний о человеке и трансформировать их в гуманитарные науки. Важно отметить, что понимание основывается на признании целостности, являющейся условием для возникновения знаний: «Содержание подлинного символа через опосредствованные смысловые

сцепления соотнесено с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума» [2, с. 186].

Разработка и установление особенностей метода понимания в учении Х.-Г. Гадамера позволили сделать философу оригинальные выводы. Во-первых, процесс понимания не может и не должен требовать объективно-бесстрастного отношения исследователя к изучаемым жизненным проявлениям. Поэтому Гадамер обосновывает гносеологическую значимость «предрассудков». Каждый исследователь, стремящийся к пониманию, неизбежно «погружен» в определенную традицию, и «тот, кто, полагаясь на объективность своих методов и отрицая свою собственную историческую обусловленность, мнит себя свободным от предрассудков, тот испытывает на себе могущество этих предрассудков, господствующих над ним без всякого контроля с его стороны...» [3, с. 424].

Во-вторых, согласно учению Гадамера, в гуманитарных науках строгое применение методов демонстрирует принуждение к определенному пониманию. Безусловно, «навязывание» того, как это должно быть понято, не имеет ничего общего с объективностью исследования. Следовательно, строгость методологии «почти наверняка приводит к противоположности истины» [4].

Обусловленность, по Гадамеру, предполагает «вслушивание» в историческую традицию, а понимание «следует мыслить скорее не как действие субъективности, но как включение в свершение предания, в котором происходит непрерывное опосредование прошлого и настоящего» [3, с. 345].

Рассуждая об особенностях наук о человеке, французский мыслитель М. Фуко писал: «...гуманитарные науки – это не столько исследование человека в его природной данности, сколько исследование, простирающееся между тем, что есть человек в своей позитивности (существо, которое живет, трудится, говорит), и тем, что позволяет этому самому существу знать (или по крайней мере стремиться узнать), что же такое жизнь, в чем заключается сущность и законы человеческого труда и как

вообще возможно говорить» [5, с. 373]. Философ утверждает, что существованию любых типов знания предшествует некая «историческая априорность», эпистема, дискурс, т. е. некий предзаданный порядок вещей, который выступает необходимым условием для возникновения мнений, наук, истин, типов рациональностей в каждый исторический период.

Как отмечает И.Т. Касавин, постмодернистская традиция, несмотря на оригинальность подходов и учений, «в целом представляется как кризис норм и ценностей, метанарративов, авторства и субъектности, в основе которого крах прежних эпистемических стандартов... Отсюда и главная задача философии – критика знания» [6, с. 218].

Целостность рассматривалась как необходимое условие для достижения понимания и, следовательно, основание для развития «наук о духе». Целостность, задаваемая мифологической, религиозной, философской, научной картинами мира, приводила к возможности определения людьми своего «места в мире», смысла и предназначения человеческой жизни.

Важно отметить, что эффективное развитие научного знания, постметафизическая традиция в философии сформировали условия, при которых целостность утрачивает свою продуктивность и не может рассматриваться как регулятивный принцип понимания и основание для поиска человеком смысла жизни. Формируются онтологические парадигмы, в которых развитие мира рассматривается как вечный, бесконечный хаос, непрерывное столкновение случайностей, ведущее к разновекторному, непредсказуемому развитию. Последовательное преодоление и вытеснение метафизических интенций, исключение самого принципа централизации (критика логоцентризма, рациоцентризма и т. д.) приводят к смене основных направлений, «стержней» развития и утверждению возможности существования вне целостности и центра. Весьма значимым становится вопрос о том, что может выступить ресурсом для достижения понимания в условиях беспрецедентной фрагментации сегодняшнего мира,

эпизодичности жизни индивидов, гибкости и неопределенности социального развития.

Одновременно возникает устойчивая тенденция рассматривать целостность как основание для порабощения человека, нивелирования его индивидуальности. Программным становится утверждение Ж.-Ф. Лиотара о кризисе метанарративов. Лиотар демонстрирует, что любая целостность задается/навязывается и выступает условием формирования у отдельных людей и обществ в целом стиля познания, представлений о свободе и справедливости. По сути, целостность, фундированная неким метанарративом, это заданное направление процесса самореализации и поиска знаний о себе и мире, тотальная форма проявления зависимости людей: «Великий рассказ утратил свое правдоподобие, вне зависимости от способа унификации, который ему предназначался: спекулятивный рассказ или рассказ об освобождении» [7, с. 92].

Вместе с утратой гносеологической значимости «метанарративов» существенно меняются и подходы к определению истинности знания. В постмодернизме возникают концепции, делающие акцент на социальной значимости истин. Новизна такого подхода заключается в том, что критерий социальной значимости не только учитывается, но и вводится «в сам процесс достижения истины» [8, с. 289].

Новые формы и беспрецедентная степень отчуждения наиболее последовательно, на наш взгляд, представлены в учении М. Фуко, который выявил конструктивистский характер знания. «Историческое априори» – это формирование и распространение/навязывание определенного видения мира, критериев научности и т. д. Различные способы познания и систематизации фактов, грамматические и логические правила как способы выражения знаний не репрезентируют, а организуют определенный порядок, ход вещей. Автор концепции «власти-знания» констатирует, что «не существует отдельно, с одной стороны, познания или науки, а с другой, общества и государства, но существуют лишь фундаментальные формы “власти – знания”» [9, с. 118].

Важно также отметить, что в учении М. Фуко о зарождении и развитии социально-гуманитарных наук утверждается априорный характер истин. В социально-гуманитарных науках истины формируются в рамках «дисциплинарной матрицы», а рассмотрение индивида как объекта познавательной деятельности обусловлено необходимостью наиболее полного использования человеческого потенциала.

Сложно переоценить роль социально-гуманитарного знания, позволившего качественно преобразовать способы подчинения человека. Благодаря накоплению знаний о человеке формируются более гуманные идеалы развития, «смягчаются» методы наказания, пытки и казни трансформируются в практики «заботы о себе». Вместе с тем возникают более эффективные способы контроля, при которых исчезает необходимость «надзирать и наказывать». Контроль заменяется самоконтролем, а стремление людей к эффективности, успешности, здоровому образу жизни становится движущей силой, ведущей к достижению поставленных властью целей.

Таким образом, сформированный дискурс гуманитарных наук позволяет власти не подчинять, а продуцировать нужный ей тип человека – солдата, ученого, гуманиста. М. Фуко отмечает, что когда произошел переход «от историко-ритуальных механизмов формирования индивидуальности к научно-дисциплинарным механизмам... (заменив тем самым индивидуальность человека, которого помнят, индивидуальностью человека исчисляемого)... когда стали возможны науки о человеке... были осуществлены новая технология власти и новая политическая анатомия тела» [10, с. 282].

На основе размышлений М. Фуко можно сделать выводы о том, что познающий субъект утрачивает свою автономность и творческий потенциал. Качественные изменения, происходящие в процессах познания, привели к возникновению автономной, независимой от субъекта логики, формирующей гносеологические и аксиологические установки. Поскольку познающий субъект не в состоянии

понять механизмы формирования автономных сил, то у него, соответственно, нет возможности прогнозировать дальнейшее развитие.

Между тем развитие «власти-знания», связанное с успешным следованием гуманитарным идеалам, приводит к ситуациям, при которых национализируется и тело. Современный итальянский философ Дж. Агамбен указывает, что даже жизнь и смерть «являются не собственно научными понятиями, но понятиями политическими, которые в силу своей политической природы приобретают точное значение лишь в результате специального решения» [11, с. 208].

Стремление к гуманным идеалам (увеличению продолжительности и улучшению качества жизни) может обусловить ситуации, в которых забота о людях рассматривается как биополитический механизм: «Право верховной власти суверена заставить человека умереть или позволить ему жить сменилось правом заставить индивида жить или позволить ему умереть» [12, с. 262].

Таким образом, высокий уровень познавательной активности, научно-технический прогресс не стали основанием для осознанного планирования жизни людей и социумов. Напротив, современная действительность характеризуется увеличивающейся степенью неопределенности, поскольку «впереди... нас ждет лишь большая гибкость, большая рискованность и большая уязвимость» [13, с. 50]. Появление «общества риска» [14], становление «текущей реальности» [15] обусловили необходимость достижения такого понимания, при котором стало бы возможным ответственное отношение к окружающей действительности. Следует отметить, что основанная на научных знаниях продуктивность биополитики может рассматриваться и как условие для поиска новых типов активности, сущностными характеристиками которых будут самоизменение, личностное становление, проявление индивидуальности.

Тем самым успешное развитие познавательной деятельности привело к осознанию того, что необходимым становится обращение

к новым формам активности. Достижение понимания, поиск смысла становятся возможными в процессе свершения поступка/события.

Понимание – это событие бытия, актуализировать которое может только человек, пребывающий в определенном режиме сознания. Важным аспектом рассмотрения характеристик сознательности является то, что понимание связано не с ориентированностью на объективность и общезначимость суждений, а предполагает самоизменение субъекта, актуализацию личностного бытия. Интенции, направленные на преодоление теоретико-объективных значений, становятся условием обретения иных, недоступных теоретическому познанию режимов сознания.

Совершенствование способов и методов познания, высокоразвитые технологии не исключили, а скорее сделали еще более актуальной задачу решения предельных вопросов бытия. Следует отметить, что принятие экзистенциальных решений находится в поле ответственности человека и зависит от его каждодневных усилий.

Отличительной особенностью понимания можно считать не направленность на преобразование сущего, а усилия, способствующие актуализации бытия. Так, в философии Ж. Делеза установление смысла – это событие. Следовательно, понимание возможно при условии совершенного события. Сущностными характеристиками события являются уникальность, неповторимость, получившие свое выражение благодаря усилиям конкретного человека. Каждое событие создает новые «системы исчислений», типы взаимосвязей, позволяет актуализировать иные режимы сознательности, уникальные формы бытия. Таким образом, понимание/установление смысла обретает онтологические черты, выступая как продуктивная сила. Как отмечал Ж. Делез, событие как концепт «всегда обладает той истиной, которую получает в зависимости от условий своего создания» [16, с. 40].

Делезовскому пониманию смысла-события созвучны характеристики поступка, описанные в трудах таких оригинальных мыслителей, как М.М. Бахтин, В.С. Библер, Иоанн Павел II,

М.К. Мамардашвили. Важным выводом нашего исследования становится утверждение о том, что поступок не может быть основан на познавательных значениях, а является условием становления-актуализации бытия.

Теоретическое познание, ориентированное на объективность и стремящееся установить общезначимые суждения, изначально рассматривает проявление индивидуального как ошибку и стремится исключить влияние субъекта на получаемые знания. М. Бахтин определяет такого рода познание как «роковое теоретизирование», требующее отречения от «моего единственного бытия». «Меня, действительно мыслящего и ответственного за акт моего мышления, нет в теоретически значимом суждении», – пишет М. Бахтин [17, с. 84].

Поступок свершается, когда отсутствуют, распадаются регуляторы человеческого поведения и действия, когда сознательность индивида проявляется в том, что он должен заново устанавливать, изобретать, создавать исходные условия для нравственных, познавательных, эстетических ценностей. Тем самым поступок не исключает существующие значения и смысл, но и не полагается на них, в каждом поступке возможен выход к основаниям знания. «Поступающее» мышление, согласно учению М. Бахтина, является авторским, поскольку каждая личность актуализирует особый (бытийный) стиль мышления, на котором будут основаны новые действия.

Автономность, собственная логика развития мира объективных значений не только управляет действиями людей, навязывая определенный стиль мышления и способы достижения и понимания истины, но и продуцирует определенный тип личности. Следует признать значимость для современного мира и утверждения Бахтина о том, что «человек чувствует себя уверенно» только «там, где его принципиально нет: в автономном мире культурной области... но неуверенно, скудно и неясно, где он имеет с собой дело, где он – центр исхождения поступка, в действительной единственной жизни» [17, с. 96–97].

Следовательно, достижение понимания становится возможным при формах активности, позволяющих утверждать абсолютность личностного начала. М. Бахтин вводит важный термин, раскрывающий суть понимания, – «участное мышление». Пребывая в режиме «участного мышления», можно понять все явления и процессы, рассмотрев их в отношении к человеку – единственному личностному бытию. Следовательно, понимание есть результат не теоретического знания, а ответственного отношения человека к своему бытию, проявлению индивидуальной жизненности. Результатом поступка является актуализация новых форм бытия, установление новых «систем отсчета», способов достижения истины. В.С. Библер отмечает, что «обыденный, одинокий поступок все чаще обретает роковой, “акмейный” характер, обретает смысл решающего действия “на прошлое” и “на будущее” индивидуальных – и не только индивидуальных – судеб» [18, с. 266].

Важная черта поступка – его завершенность, единственность, окончательность свершения. Тем самым поступок служит основанием целостности, при которой утверждается «полифония смыслов»: «Каждый поступок (если он хоть как-то осознан) всегда что-то преступает, несет в себе риск личного перерешения – заново! – исторических судеб, выборов, решений, исторических форм общения. Все эти ценностные и смысловые спектры оказываются значимыми одновременно...» [18, с. 263].

В работе Иоанна Павла II «Личность и поступок» выделены три важных аспекта полноты сознания: в сознательных действиях субъекта; в осознании того, что человек делает; в понимании того, что личность действует сознательно. Высокотехнологичные, сознательные действия субъекта основываются на познавательных значениях, но не указывают на то, что человек есть «причинность действий». В сознательных действиях проявляется уровень владения знаниями, достижения научно-технического прогресса, но не сам человек.

Согласно учению Иоанна Павла II, познавательные действия не относятся к сознанию,

поскольку основанием сознательной деятельности выступает указание на человека как на «причинность действий». Если же абсолютизировать активность, основанную на познавательных процессах, то люди оказываются вовлеченными в череду «навязанных» действий, наступает эпоха «рокового теоретизирования». «Мы придерживаемся того мнения, что подлинно познавательный динамизм, сама деятельность познания к сознанию не относятся», – указывает Иоанн Павел II [19, с. 96].

Исходя из этого, за познанием, основанным на установлении значений, следует процесс поиска смыслов – понимание. Началом для понимания служат две функции сознания – отражение и интериоризация. Благодаря этим функциям все, что отражается сознанием, переосмысливается человеком и позволяет включить в личностное смысловое поле полученные и отраженные в сознании результаты познания.

Следующие уровни сознательной активности основываются на процессах самопознания. Самосознание сначала предоставляет данные человеку о самом себе, переводя объективные знания во внутреннее содержание сознания, а затем указывает «еще и на переживание, в котором по-особому (ибо опытно) проявляет себя субъектность человека как переживающего субъекта. И в этом смысле рефлексивная особенность сознания... ведет к выявлению субъектности в переживании» [19, с. 109].

Осмысление полученных знаний о самом себе, включенность их во внутреннее содержание сознания способствуют становлению личности. Таким образом, сознательная активность реализуется в поступках человека. Сознание «пронизывает собой поступок и становится его важным аспектом. Это такой аспект, в котором и бытование личности, и ее действие не только отражаются, но и по-своему создаются» [19, с. 95].

Важно отметить, что совершение поступка позволяет человеку «переживать» собственное авторство. Подчеркнем, что переживание авторства предполагает принятие на себя ответственности. Человек, являющийся «виновником действия», творит собственное бытие.

Таким образом, понимание не достигается в процессе получения знаний, а возникает при нравственно-практических усилиях человека, берущего на себя ответственность как за содержание поступка, так и за свое бытие. При этом важно, что свершение поступка требует от индивида постоянных усилий и удержания себя в определенном режиме сознательности.

Данное положение можно пояснить, обратившись к размышлениям М.К. Мамардашвили о том, что человек не создается в процессе эволюции, задача «быть человеком» всегда актуальна: «В мире для каждого человека оставлено место, оно оставлено там, где есть наш собственный акт (лик), который мы должны совершить. Попав в это место, мы можем быть ликом (свободным), только переосмыслив и преобразовав себя. А это преобразование требует силы (не слов, не логических рассуждений)» [20, с. 426]. Создание человека – это непрерывность индивидуальных усилий, направленных на создание себя.

Подводя итоги, сделаем ряд выводов.

Во-первых, важнейшей особенностью современного гуманитарного знания является его амбивалентность. С одной стороны, совершенствуются пути, активно используются междисциплинарные знания и технологии для достижения гуманистических идеалов. С другой стороны, активная разработка и внедрение научных знаний приводят к появлению беспреце-

дентных форм воздействия на человека, регулирующих не только действия и знания людей, но и влияющих на определение экзистенциальных критериев – состояния жизни и смерти.

Во-вторых, меняется роль целостности, рассматриваемой как необходимое условие для достижения понимания. Целостность, рассматриваемая как определенная иерархия, приводит к появлению навязанного, априорного порядка вещей. Наиболее значимым ресурсом для достижения понимания является признание потенциального многообразия, бесконечности изменений, незавершенности процессов актуализации сущего. Условием перманентного изменения сущего становятся процессы возникновения-установления смыслов.

Особенность современных реалий заключается в том, что поиск новых форм понимания и основанных на них типов активности имеет экзистенциальный смысл. Следовательно, условием обретения понимания выступают не теоретические исследования, а индивидуальные усилия каждого человека.

Пребывание в ситуациях, сформированных в результате успешного развития наук и последовательного достижения гуманистических идеалов, позволяет указать на экзистенциальную значимость таких типов активности, как поступок, смысл-событие, в которых проявляется уникальность личностного бытия.

Список литературы

1. Дильтей В. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. М.: Три квадрата, 2004. 419 с.
2. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Развитие личности. 2008. № 4. С. 186–197.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 709 с.
4. Abulad R.E. What Is Hermeneutics? // Kritike. 2007. Vol. 1, № 2. P. 11–23. URL: http://www.kritike.org/journal/issue_2/abulad_december2007.pdf (дата обращения: 14.02.2022).
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
6. Касавин И.Т. Наука как общественное благо // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217–227. DOI: [10.17223/1998863X/60/19](https://doi.org/10.17223/1998863X/60/19)

7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
8. Пыхтина Т.Ф. Истина как социальная значимость (пути постмодернизма в трактовке познания) // Вестн. НГУЭУ. 2012. № 3. С. 289–294.
9. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова; под общ. ред. Б. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей соврем. искусства «Гараж», 2020. 416 с.
11. Агамбен Дж. Ното сасег. Суверенная власть и голая жизнь / [пер. с итал. И. Левиной и др.]. М.: Европа, 2011. 256 с.
12. Самовольнова О.В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестн. РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4-2(10). С. 261–271.
13. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Весь мир, 2004. 116 с.
14. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
15. Бауман З. Текущая современность / [пер. с англ. С.А. Комарова]. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
16. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 286 с.
17. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
18. Библиер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
19. Иоанн Павел II (Войтыла К.Ю.). Личность и поступок. М.: Изд-во Францисканцев, 2003. 333 с.
20. Мамардашвили М.К. Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. 832 с.

References

1. Dil'tey V. *Sobranie sochineniy. T. 3. Postroenie istoricheskogo mira v naukakh o dukhe* [Collected Works. Vol. 3. Construction of the Historical World in the Sciences of the Spirit]. Moscow, 2004. 419 p.
2. Bakhtin M.M. K metodologii gumanitarnykh nauk [To the Methodology of the Humanities]. *Razvitie lichnosti*, 2008, no. 4, pp. 186–197.
3. Gadamer H-G. *Wahrheit und Methode*. Tübingen, 1960 (Russ. ed.: Gadamer Kh.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenевtiki*. Moscow, 1988. 709 p.).
4. Abulad R.E. What Is Hermeneutics? *Kritike*, 2007, vol. 1, no. 2, pp. 11–23. Available at: http://www.kritike.org/journal/issue_2/abulad_december2007.pdf (accessed: 14 February 2022).
5. Foucault M. *Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966, 405 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg, 1994. 408 p.).
6. Kasavin I.T. Nauka kak obshchestvennoe blago [Science: A Public Good and a Humanistic Project]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2021, no. 60, pp. 217–227. DOI: [10.17223/1998863X/60/19](https://doi.org/10.17223/1998863X/60/19)
7. Lyotard J.-F. *La Condition postmoderne: Rapport su r le savoir*. Paris, 1979 (Russ. ed.: Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna*. Moscow, 1998. 160 p).
8. Pykhtina T.F. Istina kak sotsial'naya znachimost' (puti postmodernizma v traktovke poznaniya) [Verity as a Social Weight (Postmodernism's Ways in Cognition Theory)]. *Vestnik NGUEU*, 2012, no. 3, pp. 289–294.
9. Foucault M. *L'Archéologie du savoir*. Paris, 1969 (Russ. ed.: Fuko M. *Arkheologiya znaniya*. Kiev, 1996. 208 p.).
10. Foucault M. *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris, 1975. 318 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my*. Moscow, 2020. 416 p.).

11. Agamben G. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [*Homo sacer: Sovereign Power and Bare Life*]. Moscow, 2011. 256 p.
12. Samovol'nova O.V. Sotsial'no-filosofskiy analiz osnovnykh kontseptsiy biopolitiki: M. Fuko, Dzh. Agamben, A. Negri [Social Philosophical Analysis of Basic Concepts of Biopolitics. M. Foucault, G. Agamben, A. Negri]. *Vestnik RGGU. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, 2017, no. 4-2, pp. 261–271.
13. Giddens A. *Runaway World: How Globalisation Is Reshaping Our Lives*. New York, 2000. 124 p. (Russ. ed. Giddens E. *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'*. Moscow, 2004. 116 p.).
14. Beck U. *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main, 1986. 391 p. (Russ. ed.: Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Moscow, 2000. 383 p.).
15. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge, 2000. 228 p. (Russ. ed.: Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'*. St. Petersburg, 2008. 240 p.).
16. Deleuze G., Guattari F. *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris, 1991. 206 p. (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Chto takoe filosofiya?* St. Petersburg, 1998. 286 p.).
17. Bakhtin M.M. K filosofii postupka [Toward a Philosophy of the Act]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki* [Philosophy and Sociology of Science and Technology]. Moscow, 1986, pp. 80–160.
18. Bibler V.S. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From Science to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century]. Moscow, 1990. 413 p.
19. Pope John Paul II. *Lichnost' i postupok* [Person and Act]. Moscow, 2003. 333 p.
20. Mamardashvili M.K. *Filosofskie chteniya* [Philosophical Readings]. St. Petersburg, 2002. 832 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V195

Svetlana V. Dimitrova

Volgograd State University;
ul. Tkacheva 16A, Volgograd, 400050, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4962-0692> e-mail: dimitrova@volsu.ru

Galina P. Kal'dinova

Institute for Comprehensive Research of Arid Territories;
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov;
ul. A.S. Pushkina 11, Elista, 358000, Respublika Kalmykiya, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7070-1396> e-mail: gala758@yandex.ru

Madina A. Kyarova

Kabardino-Balkarian State Agricultural University named after V.M. Kokov;
prosp. Lenina 1B, Nalchik, 360003, Kabardino-Balkarskaya Respublika, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1984-4273> e-mail: mad-kyarova@yandex.ru

HUMANITIES KNOWLEDGE IN THE MODERN WORLD

Determining the boundaries and degree of influence of the results of scholarly knowledge on a person is becoming increasingly relevant at the current stage of the development of scholarship. Humanitarian knowledge is ambivalent, which is manifested in the fact that the search for and improvement of ways to achieve humanistic ideals can form the basis for the formation of resources allowing us to produce or construct a certain type of personality. Particular attention is paid to

---

For citation: Dimitrova S.V., Kal'dinova G.P., Kyarova M.A. Humanities Knowledge in the Modern World. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 123–133. DOI: 10.37482/2687-1505-V195

situations in which the scientifically based striving for humanitarian ideals – preservation and improvement of the quality of human life – leads to the fact that even life and death of an individual can be the result of an agreement between scientists and politicians. This paper aimed to substantiate the need to identify boundaries in achieving humanitarian ideals. The research method applied here is the analysis of philosophical doctrines, which allow to explicate new approaches to determining the ways of finding meaning. In the context of a plural, multidirectional and risk-inducing development of the world, the traditional features of the humanities – desire for understanding, search for meaning, and contextuality – are undergoing essential changes. The unprecedented fragmentation of today's world and the sporadic nature of people's lives actualizes the search for resources to achieve understanding in the absence of integrity. Further, the paper shows the fundamental importance of human efforts aimed to find and be able to stay in such modes of consciousness as “participatory thinking” (M.M. Bakhtin), “thought-action” (M.K. Mamardashvili) and “consciousness not based on cognitive meanings” (Pope John Paul II). It is substantiated here that the idea of establishing meaning as a result of the efforts/perseverance of an individual has ontological and epistemological value. The search for and establishment of meaning is an accomplished event (G. Deleuze), which reflects the uniqueness of a person's existence.

Keywords: *scholarly ideals, integrity, power-knowledge, biopolitics, modes of consciousness, meaning, act, event.*

Поступила 21.03.2022
Принята 20.07.2022
Опубликована 11.10.2022

Received 21 March 2022
Accepted 20 July 2022
Published 11 October 2022